

СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Жирнова А.Ю.

Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация

В данной статье приводится сравнительный анализ опыта Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки в области раннего выявления и реагирования на признаки радикализации, преимущественно, в подростковой среде, включая образовательные программы, направления работы с семьями и стратегии вовлечения общественных организаций в этот процесс. Для достижения поставленных целей представляется важным осуществление следующих задач: определение понятия «радикализация»; выделение ключевых факторов, способствующих возникновению экстремистских настроений в молодежной среде; выявление основных признаков, указывающих на формирование сепаратистских движений на этапе их становления. В рамках исследования немаловажным представляется рассмотрение практических примеров (кейсов) успешных и неуспешных подходов к дерадикализации подростков в России и США. Анализируется роль образовательных учреждений, семьи и гражданского общества в профилактике экстремизма. Особое внимание уделяется выявлению ключевых различий и сходств в подходах двух стран, а также анализу эффективности применяемых стратегий, проблем и вызовов, с которыми сталкиваются обе стороны.

Ключевые слова

стратегия, подростковый экстремизм, радикализация, дерадикализация, терроризм, террористическая сеть, медиа-пространство, скулшутинг, буллинг

Введение

Подростковый экстремизм представляет собой одну из наиболее актуальных проблем международного масштаба и является приоритетным направлением государственной молодежной политики в составе стратегий обеспечения национальной безопасности в большинстве стран мира. Цели и задачи по предупреждению экстремизма, терроризма и сепаратизма регламентируются, прежде всего, положениями Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций (ООН) – проектом резолюции, который был представлен Председателем Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2005 года. Он включает в себя план действий, которые должны способствовать обеспечению прав человека, укреплению международного сотрудничества, предотвращению терроризма и борьбе с его финансированием. Для международных лидеров – Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки действие реализации Глобальной контртеррористической стратегии представляет непосредственный интерес, как на уровне обеспечения национальной безопасности, так и – для США – на основании обязательств как члена ООН, для России – на основании обязательств по соблюдению Устава ООН и резолюции Совета Безопасности, которые касаются вопросов борьбы с терроризмом.

В январе 2025 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано 462 преступления террористического характера и 186 преступлений экстремистской направленности, что буквально в 3 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹. Примечательно, что данная сводка констатирует ситуацию лишь за один месяц. Для сравнения, в 2022 году в России было зарегистрировано 2233 преступления террористического характера и 1566 преступлений экстремистской направленности, что почти на 50% больше, чем за 12 месяцев 2021 года².

В свою очередь ФБР отмечает рост числа расследований, связанных с радикализацией молодежи в онлайн-среде³. На 2025 год особую обеспокоенность в Соединенных Штатах вызывает распространение идеологий белого превосходства и ультраправого экстремизма: новые онлайн-платформы играют ключевую роль в распространении экстремистских материалов, помогая создавать и поддерживать состояние общественной дестабилизации и вербовать новых сторонников среди молодежи [1]. По состоянию на 2021 год в США было зафиксировано 733 функционирующих «групп ненависти», 98 из них – преследователи идей «белого национализм», из которых более известными являются «Ку-Клукс-Клан», неонацисты, «скинхэды», а также антииммигрантские и исламофобские движения⁴.

В настоящей работе автор ставит перед собой цели выявить и сопоставить существующие методы раннего выявления экстремистских настроений среди подростков в российских и американских образовательных учреждениях, а также оценить эффективность использования этих методов в качестве инструментов предупреждения подросткового радикализма на ранних стадиях, включая методы мониторинга, работу с сообществами, образовательные программы и меры социальной поддержки. Приводится анализ эффективности применяемых мер и выявление ключевых различий и общих тенденций в подходах двух стран. В работе используется комплекс взаимодополняющих методов исследования, которые позволяют обеспечить всесторонний и объективный анализ актуальной проблематики предлагаемого обзора.

На начальном этапе исследования результаты анализа нормативно-правовой базы данных выступили основным источником информации о стратегическом регламенте законодательного и нормативного регулирования деятельности по противодействию экстремизму в составе программ по обеспечению национальной безопасности как на государственном уровне России и США, так и на уровне международного сотрудничества. Анализу подверглись федеральные законы и Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), а также национальные стратегии, реализуемые в государствах Россией и США. В рамках теоретического подхода к изучению темы «радикализации» как феномена в ретроспективе взглядов на этапы становления современного общества, принципиально важным стало изучение научного дискурса в области социального развития.

Так, в эпоху бурных социальных изменений и политической нестабильности XX века, когда идеологии боролись за умы молодого поколения, вопросы политической радикализации молодежи занимали центральное место в социологических и политологических исследованиях. В рамках данного направления работы Т. Адорно и его коллег сосредоточили свое внимание на анализе психологических корней фашистских наклонностей и предрасположенности к авторитарным идеологиям [2]. Центральным постулатом их исследовательского интереса являлось утверждение о том, что определяющим фактором развития нацизма выступали не

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2025 года. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 21.03.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 21.03.2025).

³ «A perfect storm»: Extremism online and political polarization are increasing the risk of attacks, experts say. 2025. Источник: <https://www.nbcnews.com> (дата обращения: 29.03.25).

⁴ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru> (дата обращения: 21.03.2025).

столько специфические этнокультурные характеристики немецкого народа, сколько доминировавшие в рассматриваемый период времени массовые представления, ценностные ориентации, когнитивные схемы и особенности менталитета населения западных стран, включая Германию, которые стали объектом манипуляции со стороны нацистской пропаганды и политической стратегии [3]. Опорой для последующих изысканий Адорно в области изучения авторитаризма послужили взгляды З. Фрейда на роль ранней социализации, предполагающие, что генезис личностных характеристик детерминирован семейным воспитанием [4].

В 1960-70-е годы, в период студенческих волнений и антивоенных протестов, интерес к радикализации молодежи возрос в связи с активным участием молодых людей в социальных и политических движениях, которые констатировали тенденцию к первым этапам гражданского неповиновения. [5]. Несмотря на то, что работы Д. Рисмана «Одинокая толпа» (1950) и «Лица в толпе» (1952) были написаны задолго до этого периода, к 1980-м годам они обрели новую волну актуальности, поскольку анализировали конформизм и бунт молодежи против социальных норм и институтов. Рисман писал в послевоенную эпоху в США, когда наблюдался экономический бум, рост потребления и конформистские настроения. Его работы критиковали только зарождающуюся культуру массового общества, где индивидуальность подавлялась давлением группы, и формировался «ориентированный на других» тип личности, стремящийся соответствовать ожиданиям окружающих [6].

С появлением и распространением явления терроризма в конце XX и начале XXI веков, фокус внимания научных исследований сместился на изучение процессов радикализации, приводящих к насильственному экстремизму. Так, в работе М. Сагемана «Понимание террористических сетей» (2004) анализировались пути, которыми молодые люди оказываются вовлечены в экстремистскую деятельность. [7]. Сагеман утверждает, что террористические группы представляют собой социальную общность, состоящую из людей, связанных между собой различными узлами – родственными связями, дружескими отношениями, профессиональными обязательствами или идеологическими воззрениями. Именно эти узлы преобладают влиянием над индивидуальными мотивами и играют решающую роль в процессе вербовки и поддержания активности террористической организации. В более поздних работах С. Атрона, как например в «Разговор с врагом: вера, братство и (не) маскировка террористов», (2010), подчеркивается роль сакральных ценностей, религиозной веры и идеологической убежденности как ключевых мотиваторов террористической деятельности, превосходящих рациональные или инструментальные соображения [8]. Однако, здесь также следует говорить еще и о том, что в литературе, посвященной терроризму и насильственному экстремизму, часто проводится различие между когнитивной радикализацией (принятием экстремистских убеждений) и поведенческой радикализацией (процессом, ведущим к насильственному поведению): «Пусть эти процессы могут происходить параллельно, следует отметить, что ученые уже давно утверждают, что насилие не является заранее определенной конечной целью экстремистских убеждений...» [1].

В настоящее время, с развитием информационных технологий и социальных сетей, исследователи обращают особое внимание на роль глобальной сети «Интернет» в повышении степени радикализации среди молодежи. Так, в работе «Виртуальный «халифат»: понимание пропагандистской стратегии «Исламского государства» (2015) исследователем Чарли Уинтером анализируются пропагандистские стратегии экстремистских организаций в интернете и их влияние на молодежную аудиторию [9]. Основным фокусом внимания – репрезентация методов, инструментов (куда входили различные типы пропагандистских материалов, созданных ИГИЛ, такие как профессионально снятые видео казни, документальные фильмы, пропагандистские песни, журналы (например, Dabiq⁵) и новостные сообщения) и целей, которые ИГИЛ

⁵ «Дабик» (англ. Dabiq от араб. دابق) – цифровой журнал на английском языке, использовавшийся «Исламским государством» для пропаганды и вербовки новых сторонников на Западе. Назван в честь сирийского города Дабик, где, согласно преданиям, ближе к концу света произойдет финальная битва между христианским Западом

использовало для распространения своей идеологии, вербовки новых членов, формирования общественного мнения и создания образа «Халифата» в информационном пространстве.

В отечественной практике существует достаточное количество теоретических подходов, которые могли бы использоваться в обосновании принципов формирования экстремистских настроений в молодежной среде. Вместе с тем, преобладающая часть исследований российских специалистов в области социологии и политологии акцентируют свое внимание на прикладном характере практического применения ранее полученных знаний по результатам работ своих коллег на Западе.

Так, Е.А. Панина обращает внимание на культуру социального климата в образовательной среде, и поднимает на поверхность общественного дискурса важный вопрос о роли «направления педагогических воздействий по формированию у обучающихся культуры безопасности жизнедеятельности в условиях образовательных организаций», к которым она в том числе относит формирование демографической, информационной и гуманитарной, а также психологической безопасности [10].

А.А. Жамборов и М.К. Курманова, анализируя причины, способствующие вовлечению подростков в террористическую деятельность, подчеркивают, что данное явление радикализации обусловлено рядом факторов, включая социальную нестабильность, распространение экстремистской идеологии в интернет-пространстве, психологическую уязвимость и легкую внушаемость подростков, преимущественно по причине которой они не всегда могут самостоятельно принять верные решения и становятся легкой добычей для вовлечения в деятельность экстремистских организаций [11]. Наряду с этим, они также акцентируют внимание на том, что в молодежной среде «к распространению и насильственному насаждению деструктивной идеологии побуждает именно идейная составляющая, с которой и нужно начинать борьбу, чтобы противодействовать данным явлениям...» [11].

Состояние проблемы в ретроспективе взглядов на пережитый опыт

В последние годы в России наблюдается значительный рост внимания к проблеме молодежной радикализации в связи с участившимися террористическими актами – событиями, которые не только унесли жизни тысяч людей, но и оставили глубокие раны в общественном сознании, закрепившись в памяти как дни «траура» в память о жертвах вооруженного насилия. Так, события в Беслане (2004 год) заняли страницы одной из самых трагичных глав в истории Современной России – захват школы террористами, в результате которого погибло 334 человека, среди которых 186 детей, родители и педагоги, 10 спецназовцев и два спасателя. Ранения получили свыше 800 человек. Эта трагедия стала печальной иллюстрацией того, насколько уязвимы молодежные группы перед лицом экстремизма, и насколько бессильно старшее поколение перед угрозой вооруженного конфликта. Однако, на то был факт угрозы сепаратистского характера.

Одним из ключевых факторов радикализации молодежи является влияние социальных медиа, где идеологии радикализма могут распространяться моментально, привлекая к себе неокрепшие умы молодых людей, которые ищут компенсационное чувство принадлежности в этом огромном мире. Так, на фоне экономических и социальных трудностей, многие подростки сталкиваются с чувством безысходности, отчуждения и недостатка поддержки, что делает их более уязвимыми перед влиянием экстремистских идей. Эту проблематику возможно проследить на ряде следующих примеров.

Событие в Керчи в 2018 году стало одним из показательных упущений системы безопасности в учебных заведениях и в очередной раз обратило внимание общественности на вопрос профилактики насилия среди подростков: нападение студента колледжа Владислава Рослякова, который устроил стрельбу и взрыв в Керченском политехническом колледже,

и мусульманами. Изданием журнала занималось медийное крыло ИГ Al-Nayat Media Center. Источник: <https://руни.рф> (дата обращения: 12.04.2025).

унесло жизни 20 человек и травмировало десятки жертв. Мотивы преступника, по данным следствия, были связаны с его личными проблемами, изоляцией от сверстников, увлечением оружием и пропагандой культуры насилия в медиа-пространстве.⁶

2021 год стал годом кровавых страниц в истории российского образования, отмеченных вооруженными нападениями на учебные заведения в Казани и Перми. Казанская трагедия, произошедшая в мае 2021 года, когда бывший ученик гимназии Ильназ Галявиев открыл огонь по детям и учителям, унесла жизни девяти человек, из которых: 7 детей и 2 взрослых. Спустя несколько месяцев, в сентябре того же года, уже Пермский государственный университет стал местом массового убийства, совершенного вооруженным студентом Тимуром Бекмансуровым, в результате которого погибли 6 человек, еще 28 получили ранения и травмы. Эти два события, произошедшие с разницей всего в несколько месяцев, подсветили общие проблемы и недостатки в системе образования и обеспечения безопасности во время чрезвычайных ситуаций.

Следует упомянуть еще один печальный случай, который произошел в сентябре 2022 года: тогда Артём Казанцев, выпускник школы №88 в городе Ижевск, вооруженный двумя травматическими пистолетами, переделанными под стрельбу боевыми патронами, ворвался в здание школы и открыл огонь. В результате нападения погибли 17 человек, среди которых оказалось 11 детей и 6 взрослых, еще 24 человека получили ранения различной степени тяжести. После совершения преступления молодой человек покончил жизнь самоубийством. Следствием было установлено, что Казанцев страдал шизофренией и состоял на учете в психоневрологическом диспансере, однако, своевременная и эффективная медицинская помощь ему оказана не была. Также было установлено, что нападавший придерживался нацистской идеологии и испытывал ненависть к окружающим. Мотивы преступления следствие по сей день связывает с психическим состоянием нападавшего, его социальной изоляцией и влиянием деструктивного контента в сети «Интернет».

Примечательно, что все эти кейсы объединяет пример более раннего события, которое потрясло все мировое сообщество на начале двухтысячных годов и которое стало одним из переломных моментов в истории Соединённых Штатов Америки, вытеснив со dna на поверхность табуированной проблемы школьной безопасности, психического здоровья подростков, влияния деструктивных субкультур и доступности оружия на уровне регионального законодательства.

Трагедия, породившая культ – массовое убийство в школе «Колумбайн» стало отправной точкой для возведения социального дискурса о безопасности молодежной среды на новый уровень международно-правовой повестки. 20 апреля 1999 года Эрик Харрис и Дилан Клиболд, вооруженные огнестрельным оружием и взрывными устройствами, вошли в школу «Колумбайн» и открыли огонь по ученикам и учителям. Преступники планировали масштабную атаку, включая подрыв бомб в столовой и последующую стрельбу по выжившим, однако их планы не были реализованы в полной мере [12]. В результате нападения погибли 13 человек, более 20 получили ранения. После совершения преступления Харрис и Клиболд покончили жизнь самоубийством.

История страшного кровопролития, которую мировые СМИ со скорбью окрестили «трагедией Колумбайна», не стала первым актом скулшутинга на памяти Соединенных Штатов Америки, однако именно она стала событием нарицательным в сравнении с другими нападениями террористического характера на образовательные учреждения.

В ходе анализа обстоятельств трагедии в Колумбайне возможно выявить сложный комплекс факторов, способствовавших ее возникновению и, в первую очередь, это социальная среда, которой были окружены стрелки. «Униженные и оскорбленные» – именно так можно было охарактеризовать двух друзей – Эрика Харриса и Дилана Клиболда. Ребята были знакомы с глубокой средней школы и не имели широкой славы среди сверстников: своеобразные

⁶ «Думал – отучится и домой. А получилось вот как». 2018. Источник: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 12.04.25).

увлечения, малообщительность и отстраненность от коллектива – они не вписывались ни в одну из компаний и были, своего рода, аутсайдерами в старшей школе. Их интересы соприкоснулись в своеобразном исполнении: оба любили тяжёлый рок, испытывали тягу к насилию и были склонны к экстремистским соображениям, объясняя ими свои взгляды на жизнь.

Нельзя сказать, что юность будущих стрелков была определяющей, молодые люди происходили из вполне благополучных семей. Это отличает их биографии от «привычных» для убийц, в историях которых в обязательном порядке есть пункт «неблагополучные родители» – в случае с Харрисом и Клиболдом ничего подобного не наблюдалось⁷. Проблемы возникли уже в школе, в образовательной среде учреждения «Колумбайн».

Подходы к определению подросткового экстремизма

В основе отечественного понимания экстремизма, в том числе подросткового, лежит нормативно-правовой подход, опирающийся на Федеральный закон от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности»⁸. В российском законодательстве экстремизм определяется как приверженность к крайним взглядам и, в особенности, мерам⁹. В свою очередь, Федеральный закон конкретизирует это понятие, интерпретируя экстремистскую деятельность (экстремизм), в том числе, как:

- публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии,
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения,
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения,
- организацию и подготовку указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению,
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг¹⁰.

Полная формулировка нормативного определения экстремизма хоть и является фундаментом для определения стратегий по борьбе с радикализацией в молодежной среде, в силу своей широты и некоторой размытости трактовки, часто подвергается критике [13]. С одной стороны, она позволяет охватить широкий спектр действий, направленных на подрыв конституционного строя, возбуждение розни и применение насилия. С другой стороны, излишне широкое толкование может приводить к произвольному применению закона и нарушению прав и свобод подростков, особенно в случаях, когда речь идет о неосторожных высказываниях в интернете или участии в несанкционированных акциях протеста [14].

⁷ «Колумбайн»: присягнувшие тьме (18+). 2024. Источник: <https://diletant.media> (дата обращения: 12.04.25).

⁸ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями).

⁹ Что такое экстремизм и экстремистская деятельность? Источник: <https://мвд.рф> (дата обращения: 13.04.25).

¹⁰ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). Статья 1. Основные понятия. 2002.

Помимо Федерального закона, на территории Российской Федерации действуют и другие нормативно-правовые акты, регулирующие отдельные аспекты противодействия экстремизму. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) предусматривает ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности в соответствии со Статьями 136, 148, 149, 212, 239, 278 - 280, 282 - 2822, 357 УК, а также статьи 105, 111, 112, 115 - 117, 119, 141 - 1421, 150, 213, 214, 243, 244, 281, 335, 336 УК, если преступления были совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Здесь также следует обратить внимание на Статью 361 (Акт международного терроризма), которая содержит положения об ответственности за: «совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угрозу совершения указанных действий», «финансирование деяний, предусмотренных частью первой настоящей статьи, склонение, вербовку или иное вовлечение лица в их совершение либо вооружение или подготовку лица в целях совершения указанных деяний», в том числе «деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, повлекшие причинение смерти человека»¹¹.

В отличие от России, в США нет единого федерального закона, определяющего понятие «экстремизм». Данное положение дел связано с конституционными гарантиями свободы слова и выражения, закрепленными в Первой поправке к Конституции Соединенных Штатов Америки¹², в связи с чем правительство США избегает использования термина «экстремизм» для обозначения определенных идеологий или групп, опасаясь нарушить конституционные права своих граждан. Вместе с тем, критики утверждают, что большая часть научной литературы по теме экстремизма оставляет значение этого понятия без внимания: «Существуют разногласия по поводу того, какое значение придается таким аспектам, как политический и социальный контекст, наличие насильственных действий или предполагаемая нравственность рассматриваемых идеологий. Часто определение экстремизма основано на замкнутой логике и используется для характеристики различных взглядов и моделей поведения в обществе по отношению к тому, что воспринимается как мейнстрим...» [15].

Предупрежден – значит вооружен: стратегии раннего выявления радикализации и экстремистских настроений в России

Очевидно, что сегодня мы сталкиваемся с обострением серьезной угрозы вооруженного насилия в молодежной среде. Учитывая, что экстремизм часто является результатом длительного процесса радикализации, стратегии раннего выявления становятся ключевым инструментом в борьбе с этой угрозой.

В Российской Федерации процесс раннего выявления радикализации подростков осуществляется с помощью различных государственных и образовательных программ, а также мер социальной поддержки, которые предусмотрены Указом Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». Данный Указ определяет феномен «радикализации» как: «приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации». Основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму регламентированы двумя основными направлениями:

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Статья 361. Акт международного терроризма.

¹² Constitution of the United States. First Amendment. Источник: <https://constitution.congress.gov> (дата обращения: 13.04.25).

институциональными мерами, которые характеризуются совместной работой образовательных учреждений, правоохранительных органов и социальных служб; а также информационным мониторингом, который содержит в себе механизмы для отслеживания подозрительной активности в интернет-пространстве и выявления опасного контента, который может способствовать возникновению и развитию радикализации.

Акцентируя внимание на последнем направлении, следует отметить, что сегодня именно в онлайн-среде происходит широкое распространение радикальной пропаганды, вербовка новых членов в экстремистские организации и координация их деятельности. Практически все современные экстремистские организации активно используют сеть «Интернет» для распространения своих идей и привлечения новых сторонников, тому примером служит активная деятельность ИГИЛ в социальных сетях, где организация в период своего «расцвета» распространяла пропагандистские материалы, вербовала новых членов и координировала теракты.

Сегодня на территории России действует «Лига безопасного интернета» (ЛБИ) – организация, призванная защитить российское интернет-пространство от опасного контента. Ее деятельность в последнее время подвергается критике со стороны общественности, обвиняющей организацию в цензуре и ограничении свободы слова. Вместе с тем, ее влияние на положение медиа-повестки оценить с приумножением нельзя: в ходе реализации стратегий по борьбе с распространением противоправного контента в Интернете, с 2010 года «Лига безопасного интернета» запустила пять горячих линий, куда граждане могут сообщать о нарушениях. За это время поступило свыше 340 тысяч обращений о детской порнографии, более 41 тысячи сообщений о наркотиках, и в результате было заблокировано или удалено более 146 тысяч интернет-ресурсов с опасным содержанием¹³. Также, в рамках направлений образовательной деятельности с 2012 года волонтеры и эксперты ЛБИ проводят просветительские уроки и встречи для школьников и студентов по безопасности в информационном пространстве сети «Интернет», направленные на развитие знаний и навыков, которые помогут избежать наиболее распространенных угроз в сети – мошенничества, кражи персональных данных, опасного контента и иному деструктивному воздействию в сети¹⁴.

Также, сегодня государство активно поддерживает грантовые проекты в области науки, образования и просвещения, направленные на противодействие экстремистским настроениям в молодежной среде. Одним из таких проектов является «Код БЕЗопасности», который в 2021 году выиграл второй конкурс на финансирование и в рамках которого была реализована образовательная программа повышения квалификации для учителей «Код БЕЗопасности: интерактивные методы профилактики ксенофобии и экстремизма в молодежной среде», позволяющая учителям и социальным работникам проходить специальные тренинги, для расширения навыков распознавания опасных тенденций среди подростков¹⁵. Данная программа реализуется на базе российского «Центра толерантности», который занимается вопросами психологического благополучия, детской и взрослой коммуникации, инклюзии и межкультурной грамотности, а также работает над проектами по предотвращению травли, психологических трудностей, ксенофобии и экстремизма¹⁶.

Показательной также является деятельность муниципальной опорной площадки «Подросток и общество» Кирсановского района в Тамбовском регионе: проект активно поддерживает молодежные и общественные инициативы, направленные на продвижение позитивных

¹³ Ключевые направления деятельности: Борьба с распространением противоправного контента в Интернете. [Электронный ресурс] URL: <https://ligainternet.ru> (дата обращения: 13.04.25).

¹⁴ Ключевые направления деятельности: Проведение уроков «Безопасного Интернета» в общеобразовательных учреждениях и ВУЗах. URL: <https://ligainternet.ru> (дата обращения: 13.04.25).

¹⁵ «Код БЕЗопасности»: обеспечение образовательных организаций интерактивными педагогическими технологиями профилактики ксенофобии и экстремизма среди подростков. *Фонд президентских грантов*. 2021. Источник: <https://президентскиегранты.рф>.

¹⁶ Центр толерантности – ведущая российская организация по созданию и внедрению интерактивных образовательных технологий в области гуманистических ценностей. Источник: <https://www.jewish-museum.ru>.

ценностей и профилактику экстремизма. В фокусе внимания также находится политика проведения консультаций и тренингов для родителей, направленных на повышение их осведомленности о признаках радикализации и формирование навыков конструктивного общения с детьми, а также программы правового просвещения несовершеннолетних в области профилактики распространения экстремизма и терроризма, а также суицидального поведения, употребления психоактивных веществ и буллинга.

Рыбки в сетях: стратегии раннего выявления радикализации и экстремистских настроений в США

На протяжении своей «современной истории» правительство Соединенных Штатов Америки из-за всех сил старается маневрировать и находить баланс между обеспечением национальной безопасности в государстве и соблюдением прав и свобод человека.

Одним из приоритетных направлений стратегического обеспечения безопасности в США является развитие их информационно-аналитического потенциала. Как и преобладающая часть межведомственных подразделений в России, правоохранительные органы Америки, в частности ФБР, активно используют методы анализа больших данных, мониторинга социальных сетей и онлайн-форумов для выявления лиц, проявляющих малейшие признаки радикализации. Это включает в себя отслеживание подозрительных онлайн-активностей, таких как распространение экстремистской пропаганды, участие в сообществах ненависти, планирование насильственных действий и поиск информации об оружии и взрывчатых веществах. Однако, такой подход вызывает критику со стороны правозащитников, опасющихся, что он может привести к нарушению права на неприкосновенность частной жизни и необоснованным обвинениям.

Так, например, в США существует комплекс программ «Countering Violent Extremism» (CVE), который направлен на разработку и реализацию стратегий по предотвращению насильственного экстремизма, как среди молодежи, так и среди всех остальных групп населения, путем вовлечения местных сообществ, образовательных учреждений и правоохранительных органов в свою деятельность. Критики отмечают: «Несмотря на то, что в документах правительства США часто используется термин CVE, нет единого мнения о том, что такое CVE и как это должно быть сделано. Определения варьируются от отказа людей от принятия экстремистских убеждений, которые могут привести к терроризму, до сокращения активной поддержки террористических групп. Отсутствие четкого определения CVE не только приводит к противоречивым и контрпродуктивным программам, но и затрудняет оценку повестки дня CVE в целом и определение того, стоит ли ее продолжать»¹⁷.

В США также существует система «National Threat Assessment Center» (NTAC) которая позволяет школьным администрациям и полиции работать совместно для выявления склонности к потенциально опасному поведению у подростков¹⁸. «Threat Assessment» – это не просто профилирование потенциальных преступников на основе стереотипов. Это комплексный процесс, требующий сбора информации из различных источников, анализа поведения, установления мотивов и намерений, а также разработки плана действий по управлению риском¹⁹. Система основывается на идее о том, что большинство школьных стрелков, которые решаются на вооруженное нападение в образовательном учреждении не действуют спонтанно, их намерения проявляются задолго до совершения преступления. Эти предупредительные сигналы могут включать в себя вербальные угрозы, публикации в социальных сетях, поведенческие

¹⁷ U.S. Strategy for Countering Violent Extremism: An Assessment. *Foreign policy research institute*. 2012. Источник: <https://www.fpri.org> (дата обращения: 14.04.25).

¹⁸ Threat Assessment In K-12 Schools Can Detect Early Warning Signs Of Violence. 2024. Источник: <https://www.forbes.com> (дата обращения: 14.04.25).

¹⁹ Enhancing School Safety Using Behavioral Threat Assessment. United States Secret Service. 2023. Источник: <https://www.secretservice.gov> (дата обращения: 14.04.25).

изменения, ментальные проблемы или ранние акты открытого проявления насилия. Ключевым элементом «Threat Assessment» является создание многопрофильной команды, включающей школьных администраторов, психологов, социальных работников, консультантов по вопросам безопасности и сотрудников полиции. Эта команда собирает информацию о подростке, вызывающем опасения, оценивает уровень угрозы и разрабатывает индивидуальный план вмешательства и профилактики.

Также следует упомянуть о существовании специальной программы в рамках общенациональной антитеррористической кампании «If You See Something, Say Something», которая была представлена Министерством внутренней безопасности США (DHS) в 2010 году²⁰. Данная программа предполагает создание системы анонимной обратной связи, о подозрительных ситуациях в школах, на улицах и в общественных местах – отчёты о таких ситуациях, доставленные через защищённые каналы связи, предназначены для оперативного реагирования со стороны назначенных сотрудников. С одной стороны, данная программа кажется логичным и эффективным инструментом для предотвращения террористических актов и других преступлений экстремистской направленности. С другой стороны, она вызывает опасения по поводу потенциальных злоупотреблений, необоснованных подозрений и создания параноидальной атмосферы в общественной повестке.

Последней программой, на которую хочется обратить внимание в рамках данного исследования, является правительственная программа «StopBullying.gov», направленная на предотвращение травли (буллинга) и создание безопасной и инклюзивной среды для детей и подростков в Америке²¹. Основная цель программы – повышение осведомленности о проблеме буллинга, предоставление ресурсов для родителей, педагогов и учащихся, а также содействие разработке и реализации эффективных программ профилактики подростковой агрессии. Буллинг, как форма насилия и дискриминации, может иметь серьезные последствия для психического здоровья и социального благополучия жертв, которые могут привести к чувству отчуждения, социальной изоляции, депрессии, тревоге и, в том числе, суицидальным мыслям.

В контексте профилактики экстремизма данная программа имеет особое значение, так как ее интересы затрагивают повестку социального климата в молодежной среде. Подростки, подвергающиеся травле, часто испытывают чувство беспомощности, несправедливости и гнева. Эти негативные эмоции могут сделать их более уязвимыми к влиянию экстремистских идеологий, которые обещают им защиту, силу и чувство принадлежности. Не секрет, что экстремистские группы используют преимущественно психологическое насилие и манипуляции в качестве инструмента вербовки, предлагая подросткам, подвергшимся травле, присоединиться к ним и отомстить своим обидчикам. Потому, можно говорить о том, что программа «StopBullying.gov» помогает формировать у учащихся навыки эмпатии, уважения к другим и умения разрешать конфликтные ситуации мирным путем. Она также способствует созданию в общеобразовательных учреждениях и академических сообществах атмосферы поддержки и взаимопомощи, в которой подростки, могут найти компенсаторное чувство доверия и получить необходимую помощь и поддержку.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ подходов России и США к раннему выявлению и реагированию на радикализацию подростков иллюстрирует как существенные различия, обусловленные историческими, политическими и культурными контекстами, так и важные точки соприкосновения, диктуемые общей необходимостью защиты общества от экстремистской угрозы. Поиск этого баланса между безопасностью и свободой определяет характер антиэкстремистских стратегий обеих стран.

²⁰ If You See Something, Say Something: About the Campaign. Источник: <https://www.dhs.gov/see-something-say-something> (дата обращения: 14.04.2025).

²¹ Stop Bullying on the Spot. Источник: <https://www.stopbullying.gov> (дата обращения: 14.04.25).

Российский подход, исторически сформированный в условиях сильного государства и централизованной власти, характеризуется более жестким законодательным регулированием и активным участием государственных органов в мониторинге и пресечении экстремистской деятельности. В условиях сегодняшних реалий российская власть делает акцент на воспитании патриотизма и гражданственности. Пускай это и направлено на укрепление социальной сплоченности, так или иначе, данная риторика вызывает опасения по поводу возможного ограничения свободы выражения мнений и критического мышления российских граждан. В то же время, пристальное внимание к традиционным ценностям и духовно-нравственному воспитанию может способствовать формированию устойчивости к деструктивным идеологиям среди подрастающего поколения.

Американский подход, напротив, основывается на принципах свободы слова и ограничения вмешательства государства в частную жизнь граждан: правоохранительные органы действуют в рамках более строгих правовых ограничений, однако, мониторинг онлайн-активности в сети вызывает опасения у общественности и поднимает на поверхность дискуссионный вопрос приватности, а точнее, вопрос об угрозе возможного нарушения конфиденциальности среди населения. Тем не менее, сильная гражданская культура и активное участие общественных организаций в профилактике проблемы экстремизма создают более гибкую и адаптивную систему реагирования на угрозы радикализации как в молодежной среде, так и в социальной жизни общества в целом и целом.

Здесь следует заключить, что несмотря на все ранее приведенные различия, обе страны признают важность работы с общественными сообществами, сотрудничества с религиозными и этническими группами для выявления лиц, находящихся в зоне риска, и оказания им необходимой поддержки. Также важно подчеркнуть роль образовательных учреждений в формировании ценностных ориентиров, климата толерантности, уважения к другим культурам и религиям.

Однако, эффективность применяемых стратегий остается предметом дискуссий в рамках научного обозрения. И в России, и в США существует риск того, что меры по противодействию экстремизму, в конечном итоге, могут привести к нарушению прав и свобод граждан, дискриминации и необоснованным обвинениям в противоправных действиях без права на презумпцию невиновности.

Важно понимать, что политика пропаганды борьбы с экстремизмом – это не панацея, она не может быть единственным и универсальным решением проблемы радикализации. Существует множество причин, по которым одних только агитационных усилий недостаточно. А потому, сегодня перед новым поколением исследований стоит задача в этих причинах разобраться.

Библиография

1. Jones I., Jones J., Davey J., Ayad M. Young guns: Understanding a new generation of extremist radicalization in the United States // Institute for Strategic Dialogue. 2023.
2. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian personality. New York. 1950.
3. Попов Н.П. Динамика традиций авторитарных коммуникаций в различных национальных культурах // Коммуникология. 2016. №2.
4. Маркова Н.М. Особенности и проявления авторитаризма в детско-родительских отношениях // Мир науки. Педагогика и психология. 2020 №3.
5. Новиков М.А. Молодежные бунты 60-х гг. XX в. и становление государственной молодежной политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №32.
6. Пименов Н.А. Генезис протестных движений в контексте социальных угроз и национальной безопасности : монография / Н.А. Пименов, С.М. Григорьев. – Москва : ООО «Объединенная редакция». – 2023. – 225 с.
7. Sageman M. Understanding terror networks. University of Pennsylvania Press. 2004.

8. Atran S. Talking to the Enemy. Faith, Brotherhood, and the (Un) Masking of Terrorists. Harper Collins Publishers. New York. 2010.

9. Winter C. The Virtual ‘Caliphate’: Understanding Islamic State’s Propaganda Strategy. Quilliam. 2015.

10. Панина Е.А. Культура безопасности жизнедеятельности: понятие и проблема формирования в условиях образовательных организаций // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 1. с. 57-64.

11. Жамборов А.А., Курманова М.К. Подростковый терроризм: причины возникновения и пути противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. №6.

12. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex Russica. 2021. №11.

13. Kravchenko M. Inventing extremists: the impact of Russian anti-extremism policies on freedom of religion or belief // United States commission on international religious freedom. 2018.

14. Павлова А.А., Григорьева Т.Г. Радикализм и экстремизм молодежи: правовое содержание, социально-политическая связь и особенности проявлений // Право и государство: теория и практика. 2022. №12.

15. Nelson L. “Extremism” in America: Biased Research, Bad Policy, and the Sources of Antidemocratic Tendencies // American affairs journal. 2024.

STRATEGIES FOR COUNTERING ADOLESCENT EXTREMISM: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Zhirnova A.Y.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract

This article provides a comparative analysis of the experience of the Russian Federation and the United States of America in the field of early detection and response to signs of radicalization, mainly among adolescents, including educational programs, areas of work with families and strategies for involving public organizations in this process. To achieve these goals, it is important to carry out the following tasks: defining the concept of “radicalization”; identifying key factors contributing to the emergence of extremist sentiments among young people; identifying the main signs indicating the formation of separatist movements at the stage of their formation. In the framework of the study, it is important to consider practical examples (cases) of successful and unsuccessful approaches to the deradicalization of adolescents in Russia and the United States. The role of educational institutions, families and civil society in the prevention of extremism is analyzed. Special attention is paid to identifying key differences and similarities in the approaches of the two countries, as well as analyzing the effectiveness of the strategies used, the problems and challenges faced by both sides.

Keywords

strategy, teenage extremism, radicalization, deradicalization, terrorism, terrorist network, media space, bullying, bullying